



УДК 378.4
ББК 74.58 У 90

Идея университета: парадоксы самоописания

Сборник материалов третьей международной научно-практической конференции "Университетское образование: от эффективного преподавания к эффективному учению" (29-30 апреля 2002 г., Минск) Белорусский государственный университет. Центр проблем развития образования; Под ред. М.А.Гусаковского, А.А.Полонникова. Мн.: БГУ, 2002. - 244 с.

ISBN 985-6582-33-4

В сборнике представлены статьи участников работы двух конференций: международной научной конференции «Идея университета: авторитет классики и вызов современности» (18-19 октября 2001 г.) и философско-психологической секции третьей международной научно-практической конференции «Университетское образование: от эффективного преподавания к эффективному учению» (29-30 апреля 2002 г.).

Данное издание предназначено для преподавателей высших школ, ученых, аспирантов, слушателей курсов повышения квалификации, методистов и специалистов аппарата управления сферы образования.

СОДЕРЖАНИЕ

Шарко О.И.

Университет как дискурсивное событие. (с. 6)

Философия и социология образования

Н.И.Латыш

Идея университета в контексте современной цивилизации.
(с. 10)

М.А. Гусаковский

Приключения разума в культуре и судьба идеи университета (с. 16)

А.И.Левко

Классический и современный университет: проблема ценностей (с. 22)

А.А.Полонников

Педагогическая установка классического университета:

опыт психоисторической реконструкции (с.31)

Т.Ф.Милова

Университет как очаг свободы: мифология, социология, личностная стратегия (с.43)

Н.Э.Бекус-Гончарова

Университет как место социальной рефлексии (с.48)

Л.Г.Титаренко

Социально-психологические особенности образовательной университетской среды: опыт сравнительного исследования (с. 57)

В.А.Еровенко-Риттер

Терапевтическая функция" философии математики Л.Витгенштейна в интеллектуальной рефлексии университетского образования" (с.61)

Т.В.Тягунова

Пространство образовательного дискурса: синдром "ускользающей реальности" (с.72)

Н.В.Михайлова

Картезианское понимание науки и конструктивная роль естественнонаучного образования (с. 76)

Ю.Э.Краснов

Континентальные "проектные университеты" как эпицентры программирования альтернативного образования (с. 81)

А.М.Алтайцев

Корпоративная культура университетов США (с.92)

А.М.Алтайцев

Возможные приоритеты образовательной политики и качество высшего образования (с.101)

Н.К.Кисель, И.А.Медведева

Информационные технологии в современной эдукологии университета (с. 107)

И.В.Агеев, И.Н.Ахраменко

Формирование модели дополнительного образования в области компьютерных технологий (с.114)

О.П.Кузнецик

Астрономия и современные основы естествознания (с. 120)

Л.А.Яценко

Зачем я знаю то, что я узнал(а) в университете? (с.126)

С.В.Костюкевич, А.В.Харченко

Портрет будущего специалиста: творческий исследователь или "механический" исполнитель (с.130)

В.И.Трофимец

Условия профессиональной деятельности молодых научных работников в отечественной науке (с. 143)

Психология образования

А.А.Полонников

Знание в психологической практике и психологическом образовании (с. 161)

Г.И.Малейчук

Образование как процесс смены идентичности (с. 171)

С.С.Харин

Генеративные отношения личности в контексте образовательных моделей (с. 175)

А.М.Корбут

Понятие генеративных отношений в университетском образовании (с. 187)

Е.С.Слепович

Размышление о воображении в контексте психологической практики "Психологии ребёнка с аномальным развитием" (с. 196)

Н.Д.Корчалова

Общая схема образовательного процесса как проекция стратегии мышления об образовании (с. 208)

Т.В.Тягунова

Негативность различения и предел интерпретации в образовательном дискурсе (с.213)

М.В.Соколова

Дискурсы профессионализма в современном психологическом образовании: сравнительный анализ (с. 219)

В.А.Герасимова

Когнитивная стратегия проблемного самоопределения в современном университете (с. 229)

УНИВЕРСИТЕТ КАК МЕСТО СОЦИАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Бекус-Гончарова Нелли Эдуардовна, докторантка Школы социальных исследований Польской Академии Наук

Университет – многоликое творение рук и умов человека. Не удивительно, что он нагружен параллельным множеством функций, которые требуют его присутствия в разных контекстах человеческой жизни – в культуре, в обществе, в науке, идеологии. Интересно, как ведет себя университет в каждом из этих контекстов его институциональной экзистенции. Этот текст посвящен одному из них, достаточно узкому и очевидно не самому значительному для самого университета аспекту его существования – его отношениям с социумом. Оставаясь слегка в тени главного, образовательного «тренда» университетской жизни, социальные функции, однако, неизменно присутствовали в цельном образе университета. Университету издавна приписывалась способность к социальной рефлексии.

* * *

Один из тезисов касается несимметричности отношений между внешним видением университета, которым оперирует социум (и отчасти государство с его культурной политикой), и с которым университет входит в различные социальные контексты, и тем «образом» университета, который легитимен на его собственной, внутренней территории.

Эволюция двух этих образов – это две разные истории университета. При написании таких историй, первая чаще всего ориентировалась бы на «экстерьер» и прагматику тех задач, которые университет выполнял в социальной реальности. Другая же могла бы быть описанием самодостаточного стремления к духовной истине, потом – к полезному знанию, к порождению культуры и воспитанию адекватного ей субъекта.

Именно на стыке понимания университетом самого себя (своеобразной авто модели) и тех задач, которые ставятся перед ним социумом, и решается, во многом, судьба университета. Точнее, формируется позиция университета как особой «идеологии», отличающейся от идеологии своего социума, и несовпадающей до конца с идеологией научного и образовательного дискурсов.

* * *

Университет вовлечен в аналитическую деятельность вследствие тех учебных задач, которые он решает. Преподаватель, прежде чем отправиться в аудиторию, совершает соответствующее аналитическое описание и подбирает адекватные формы представления знания. Простого описания, совмещенного с анализом, было достаточно в мире, рационально представляющем собственные основания. Современный социальный мир, однако, требует иного типа внимания, его множественность, комплексная сложность, гипертекстовый характер социальных взаимодействий ставят на повестку дня вопросы о необходимости поиска самих оснований социальной рациональности. Как описывать, в каких терминах и концептах, что брать за основные истины и что за их следствие? Не имея прозрачных ответов на эти вопросы, университет вынужден, как прежде, отвечать за социальную рефлексию.

Одна из формулировок, в которую укладывается рефлексивная позиция университета, звучит как новый тезис о функциях образования: это «прививка критицизма в отношении самого себя и социального поля» [1, 146].

Реальное исполнение, однако, этих требований возможно при выполнении соответствующих условий –

определения некоего особого места университета как органа рефлексии в идеологическом пространстве новой социальности. Само описание этой локализации университета как института сталкивается с трудностями, ибо требуемая независимость и «внешность» позиции университета может приводить к либо правдивой автономии, либо к превращению его в «интеллектуальное гетто». Оценка оказывается зависимой и вторичной от более общих социальных и идеологических установок, с которых начинает рассматриваться университет. (Пример такого непримиримого противоречия в оценке университета социумом и политическими дискурсами – и его одновременной полной зависимости от него – дает Джон Серль в статье «The Storm over the University» [2].)

Тезис о рефлексии легко реализовывался в обществе, когда еще функционировали понятия «истины», «знания», так как легко вписывался также и во внутреннюю логику самоопределения университета. Рефлексивная аналитика помогала приведению в соответствие практики и теории, знание эксплицировалось и должно было неким образом вернуться, обогащенное эмпирией, замкнув эпистемологический круг. Здесь подразумевалось, что знание не изменяет мир, но лишь «уходит туда на время», чтобы получить подтверждение либо опровержение своих разработок. Этой эпохе соответствовало также все еще достаточно стабильное понимание «знания». Рефлексивная функция оказывалась логично вписанной в социальную практику гуманитарного знания, гармонично описывая один и тот же мир.

* * *

Примерно во второй половине XX века, уже в измененных социальных строях и в новых эпистемологических условиях, эта работа по рефлексированию стала существенно трансформироваться, приобретать новые формы. Появился разрыв между внешним и внутренним образом университета, фактически – это было расхождение между социальностью и тем образом социальной действительности, с которым имел дело университет.

Именно как проявление этого разрыва можно воспринимать левые убеждения, охватившие французскую интеллектуальную среду в 60-70 годы. Социальная востребованность университета на время потеряла свою непосредственность, теперь университет, исходя из своей внутренней логики развития, идя «из внутреннего пространства знания», от теории, обращался к социальной действительности и не находил подтверждения результатам своей рефлексии. Французская гуманитарная среда, философы, отвечавшие одновременно за облик университетской мысли, стали выражением качественно нового состояния социальной рефлексивной функции университета. «Социальность» в их теориях приобрела откровенно трансцендентные черты, опосредованные дополнительной инстанцией дискурса (или дискурсов). Однако «левый» характер убеждений вынуждал их пытаться восстановить связь между рефлексией и реальностью, выходя с этой целью на улицы с политическими манифестациями.

В разговоре Делеза с Фуко, который был опубликован в L'arc, Фуко утверждает, что после парижского мая 1968 года стало окончательно ясно, что «задача интеллектуала не в том, чтобы быть «на челе», или «сбоку» социальной событийности – с тем, чтобы выражать укрываемую правду социума, она заключается в «стычках» с теми формами власти, которые превращают его в объект и инструмент в сфере «знания», «истины», «сознания», «дискурса». «Сегодняшний интеллектуалист, – говорит он дальше, – концентрируется на выявлении множества мелких источников власти, которая фактически «конфискует» дискурсы у тех, кто подвержен ее влиянию» [3, 89]. И совсем не обязательно она выступает в виде репрессии, напротив – часто реализуется в искушающей радостями стратегии соблазнения, как показал З.Бауман [4]. Другими словами, за тезисом «о смерти субъекта», ставшим банальной истиной постструктурализма – стояла задача его возвращения к жизни через разоблачение его «инструментальности» – так выглядел социальный смысл рефлексивной работы интеллектуала.

Сегодняшний день этих взаимоотношений выглядит еще более удручающе сложно. Социум, или поле общественных разноликих взаимодействий катастрофически теряет (или уже потеряло) представление о собственных границах и основаниях. Все чаще читаем о неопределенности и бесконечных дроблениях социального поля, части которого все реже соотносятся с целым, автономизируются (Н.Луман). При этом сингулярный характер различных социальных практик трансцендируется в глобальные виртуальные сети, в глобальную мировую финансовую систему, например. Однако поскольку сам этот переход является непрозрачным, то вызывает чувство неопределенности сначала в отношении общего поля социокультурной действительности (она становится гиперреальностью), а затем и в описании самого

университета. Как элемент общего социального поля, он – один из множества погребенных, некогда осмысленных, рационализированных от начала до конца институтов: "университет умер" (Р.Барнет). Можно, однако, апеллировать к его статусу рефлексизирующего органа, который позволяет видеть в университете спасительную соломинку, способную новую рациональность либо отыскать, либо вымыслить – "да здравствует университет", способный сопротивляться процессам диссимилиации социальной реальности (Henry Giroux и др). Гуманитарно-общественные ветви университетского дерева в этой ситуации уже не имеют, по сути, права – ни эпистемологического, ни морального – обойти стороной вопросы времени, вписанного в социальную действительность.

В этой необходимости отыскать разумные основания нового социального поля, университет, тем самым, оказывается в ситуации двоякой, воспроизводя двойственность своего внешнего образа. Будучи институтом социума, он является составляющей частью, фрагментом того символического поля социальных и культурных взаимодействий, по отношению к которым он – аналитическая инстанция. Отстранение и социальная рефлексия в то же время определяют «место» символической локализации университета вовне. Верификация принципов и знаний, на которых удерживаются социальные отношения, как правило, связана с потенциальной методологической внеположенностью к той реальности, которую подвергают анализу.

Определяя проблему рефлексивности университета в категориях пространства, мы оказываемся на достаточно освоенной территории «метафоризации пространства». Анри Лефевр был одним из первых, кто открыто заговорил о том, что социальное пространство является «социальным продуктом». По его словам, пространство – это не некое абстрактное «там», не некий нейтральный контейнер, ожидающий, чтобы его наполнили, но динамичное, созданное человеком средство контроля, источник доминации, власти [5, 26]. Позднее концепт пространства был обработан в теории власти у Фуко. Объектом его исследований были пространственные формы, в которых проявлялись особенности, свойственные эпохе Нового времени и возникших тогда практик контроля над личностью, а также последовавшие в истории трансформации этих практик, основанных на систематическом соединении категории власти и знания в форме «знания-власти».

То есть идеология университета как органа социальной рефлексии предполагает его внеположенность по отношению к идеологии самой социальности, если вслед за С.Жижеком понимать ее как систему, структурирующую самое социальную действительность в нашем восприятии и осознании [6, 38].

Вслед за этим вырисовывается контур университетской идеологии – так как социальный смысл рефлексизирующей функции оказывается локализованным в том месте, где маска социальной реальности отстает от «лица» реальности, и где возникает просвет, и становится очевидной нетождественность первого и второго. Именно поэтому условием осуществления проекта университета как органа рефлексии оказывается проблема поиска особой пространственной локализации в социальном и идеологическом поле.

* * *

Смысл рефлексивной функции университета меняется вместе с качественными трансформациями социума. Так, в постиндустриальном обществе потенциальная рефлексивность становится все более рафинированной и усложненной процедурой. Утончаются ходы поиска внешнего по отношению к тому, что характеризует и представляет социальное поле, демократично именуемое в этом социуме большинством. Университет, по сути, оказывается в роли потенциального «инога», носителем взгляда, способного предъявить социуму осмысленные кальки его облика.

Постиндустриальное общество поглощено тотальной идеей глобальной демократии. Идеология постмодернизма, отлитая в формулы неолиберализма, стремится к всеохвату, точнее – она является таковой по определению. Проблема существования университета как социального института и органа социальной рефлексии приобретает новую актуальность и иной смысл. При внимательном исследовании неолиберального общества и его идеологии обнаруживаются явные «разрывы и противоречия в логике обоснования буржуазно-демократических практик, наличие в структурной организации пост-модернистского общества элементов, антитетичных Модерну, сближающих демократию с тоталитаризмом» [7].

Именно тоталитарный характер способности либеральной идеологии принять под свои знамена какие угодно «возражения» и критику оказывается губительным для потенциальной социальной рефлексии. Вот только несколько цитат из описания этой фактически реализованной угрозы современного социального мира. В тексте «Массовое общество и демократический тоталитаризм: свобода без выбора» Игорь Джохадзе пишет: «Модернистские антагонистические противоречия и дистинкции, структурировавшие мышление и поведение человека индустриальной эпохи, утрачивают эпистемологическую определённую и категоричность, растворяясь в новом метаполитическом дискурсе легитимации – дискурсе, легитимирующем всё подряд» [там же].

“В нашей эклектической культуре, которая соответствует разложению и скученности других культур, ничто не является неприемлемым”; “новая экспрессия, новая абстракция, новые формы – всё это великолепно сосуществует во всеобщей индифферентности”; “мы исповедуем все убеждения без исключения” и “ничто не вызывает у нас подлинного отвращения” [8, 109]. В новом плюралистическом “универсуме мышления и поступка” (Г. Маркузе [10]) всё становится знакомым и желанным, “всё имеет право гражданства и общественного признания” [9, 63-67].

Десублимированные “культурные ценности” и идеи, в том числе наиболее девиантные и экстремистские, “ассимилируются действительностью”, “материализуются”, “приводятся к общему знаменателю – товарной форме” [10, 74]. Именно в виде гармонизирующего плюрализма, позволяющего мирное и безразличное сосуществование наиболее противоречащих друг другу произведений и истин, в сферу культуры входит новый тоталитаризм” [там же, 79].

Социальное поле, которые описывается в этих высказываниях как новая форма тоталитаризма, обладает более сложной структурой, не имеет четких границ, что фактически отменяет какое-либо «внешнее» поле по отношению к его границам. Университет, по сути, может лишь сформулировать некие концептуальные альтернативы актуальной социальной идеологии, и в этом теоретизирующем движении «отступления», выхода совершать необходимую рефлексиию.

Критическая педагогика, по сути, представляет такую стратегию отношений в образовании, где достаточно явно прослеживается желание найти альтернативу социуму. Henry Giroux пишет: «Педагогика должна создать условия для вовлечения студентов в процесс нового картографирования (remapping) культуры как формы сопротивления» [11]. Тем самым он объявляет, что рефлексивность перестает быть лишь социальной функцией, но становится и первоочередной образовательной задачей университета.

Согласно этой интерпретации, университет становится местом организации сопротивления, которое переносится в масштабы и на территорию субъекта. «Авторerefлексия» участников образования, в одновременно критическом отношении и "к той позиции, которую они описывают, и к той, с которой при этом говорят" – задача «новой» педагогики [12]. Для этого необходим «анализ социальных и политических дискурсов, которые конструируют их личную и коллективную идентичность в рамках и на пересечении разнообразных экономических, политических и социальных сфер» [там же].

Эта педагогическая стратегия воспроизводит тезис Фуко о субъекте, который способен и должен сопротивляться тенденциям, превращающим его в объект и инструмент. Новая педагогика лишь переносит «поле действий» на более «ранний» период – на тот момент, когда субъект культуры и объект власти еще блистает своей потенциальностью, еще только вступает в поле дискурсивных осмысленных отношений. В то же время, эта педагогическая стратегия закладывает новую формулу «внешнего» в том социальном поле неолиберальной современности. Пространство, на которое предлагается «отступление», является для Giroux пространством индивидуального субъекта. Именно внутреннее «я» субъекта образования (и социальных отношений) может, по мысли критических педагогов, выступить в роли того «внешнего» для социальной действительности, из которого возможно выстраивание дистанции и рефлексивная аналитика.

Уходя на территорию субъекта, проблема социальной рефлексии оказывается на новом витке: она фактически должна быть по-новому прописана в соответствии с существующими канонами в понимании идентичности субъекта как социального агента.

Ограниченность этого направления мыслей выявляется сразу же по выявлению двух способов

понимания идентификации. Отступление на территорию субъекта возможно только в том случае, если мы «закладываем» существование имманентного, изначального элемента идентичности, к которой можно апеллировать, реконструируя аутентичные структуры сознания. Если же говорить об идентичности как концепте, возникающем на пересечении различия и репрезентации: «Идентичность является структурированной репрезентацией, которая достигает своей позитивности, проходя сквозь узкое игольное ушко негации Иного» [13, 283].

Уместно в этой точке вернуться к понятию университета как особой идеологии. Его социальный статус, навязывающий ему множественность дискурсов, и их бесконечная вариативность, сводит его рефлексивные возможности в социальном пространстве к минимуму, и быть может, исчезает.

С другой стороны, в последнее время все чаще звучит тезис о переходе от постиндустриального общества к «обществу знания». За этим понятием в первую очередь стоит техногенная зависимость социума от средств коммуникации, социальных структур – от структур и организации информационных потоков, подменяющих собой содержание общественной жизни. При этом знание становится не только конститутивной особенностью экономики, но и организующим принципом всего общества [14]. Естественно при этом задаться вопросом о новой формуле взаимодействия социума и университета. Экспансия социального значения на территории, всегда и почти безраздельно принадлежавшие «внутреннему» университету, бывшие его вотчиной, может означать серьезные перемены в социальном статусе университета.

Изначальная несимметричность была вписана в соотношение социума с университетом: вследствие развернутой риторики элитарности университетских кругов, или миссионерского мифа университета в роли социального института, одним из эффектов которого была идея рефлексии. Структурно уравниваясь с университетом, социум может оказаться поглощенным всеми теми эпистемологическими процессами и трудностями, с которыми имел дело университет за дверями аудиторий. «Общество знания» гипотетически может стать именно такой совокупностью «социальных агентов» университета, которые сделают социум местом, отражающим и продолжающим университет.

По сути, как пишет профессор социологии, работающий в Германии, Нико Штерн, социальная жизнь никогда не была абсолютна чуждой знанию, – «общественное воспроизводство ... всегда есть воспроизводство культуры, по сути – знания» [15]. «В этом смысле общественные образования прошлого вполне можно рассматривать как ранние формы «общества знания». Примеры тому – древнеизраильское общество, которое было структурировано религиозно-правовым знанием Торы, или древнеегипетское, где организующим принципом и основой господства было религиозно-астрономическое и аграрное знание» [там же]. Новизна нынешней ситуации – именно в качественном состоянии самого эпистемологического поля, в формах обнаружения и присутствия в мире «знания». Концептуальные проблемы, неопределенности и вынужденные остановки, возвраты, а также свойственные научному дискурсу гипотезы и вероятностные выводы, могут вдруг проявиться вовне, «выйти на улицы», как каких-то 30 лет назад французские интеллектуалы. Движение это – а внимание к термину «общество знания» и активные попытки работать с ним в университетских социологических и философских кругах указывают, что оно стало реальностью в современном западном мире – может привести к очередным поворотам в социальной судьбе университета.

Литература

1. Searle J. «The Storm over the University», «New York Review Books». 1990, № 6 (Цит. по К. Kalitko. *Swiatynie wiedzy – palace władzy // Kultura Wspolczesna*. № 2-3. 2001. С. 146).
2. Searle J. «The Storm over the University», «New York Review Books». 1990, № 6.
3. G. Deleuze, M. Foucault. *Der Faden ist gerissen* Merve Verlag. Berlin. 1977 (Цит. по Melosik Z. *Postmodernostyczne kontrowersacje wokół edukacji*. Torun-Poznan. 1995).
4. Bauman Z. *Freedom*, University of Minnesota Press, Minneapolis. 1988.
5. Lefebvre Henri. *The Production of Space* (1974; reprint, Oxford: Blackwell, 1991). See also Edward W. Soja, *Postmodern Geographies* (New York: Verso, 1989).
6. Славой Жижек. *Возвышенный объект идеологии*. – М. 1999.
7. Джохадзе Игорь. *Массовое общество и демократический тоталитаризм: свобода без выбора* / Логос. № 5-6 (31). Москва. С. 36-48.
8. Бодрийяр Ж. *Прозрачность Зла*. – М., 2000.

9. Липовецки Ж. Эра пустоты: эссе о современном индивидуализме / Пер. с франц. В.В. Кузнецова. – СПб.: «Владимир Даль». 2001. – 331 с.
10. Маркузе Г. Одномерный человек . – М., 1994. С. 74.
11. Giroux Henry, Crossings Border. New York: Routledge, 1992. С. 33.
12. Giroux Henry, Dangerously Living. New York: Peter Lang, 1993. С. 38.
13. Melosik Zbyszko. Postmodernistyczne kontrowersacje wokol edukacji. Poznan-Torun. 1995.
14. Интернет-страница, где размещены тексты об обществе знания на нем. и англ. языках:
www.weltwissen-wissenwelt.de
- 15 Штенрт Нико. Мир из знания // Deutschland. № 1. 2001. С. 43.